Т.В. ЛИТВИНА
Кандидат искусствоведения, профессор РГХПУ им. С.Г. Строганова
e-mail: tlitvina-prof@yandex.ru

А.В. АДЕЕВА
Магистрант РГХПУ им. С.Г. Строганова
e-mail: arina.adeeva@gmail.com

T.V. LITVINA
PhD in Art, Professor of the Russian State Stroganov University of Design and Applied Arts
e-mail: tlitvina-prof@yandex.ru

A.V. ADEEVA
Master's degree student of the Russian State Stroganov University of Design and Applied Arts
e-mail: arina.adeeva@gmail.com

DOI: 10.37485/1997-4663_2026_1_2_238_245

МЕСТО ЦИФРОВОГО ФОЛЬКЛОРА В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ И МЕДИА

THE PLACE OF DIGITAL FOLKLORE IN CONTEMPORARY ART AND MEDIA

Цифровой фольклор — феномен переходного типа между традиционными и постиндустриальными формами культуры. Особое внимание уделяется взаимосвязи фольклорных структур с художественными стратегиями цифрового искусства, аудиовизуальных медиа и сетевых коммуникаций. Анализируя механизмы адаптации устной традиции к условиям цифрового производства, можно понять, что интернет-фольклор является не столько «вторичной эстетикой», сколько фундаментальной моделью новой коллективности, основанной на распределенной креативности и мифологическом мышлении.

The article examines digital folklore as a transitional phenomenon between traditional and post-industrial forms of culture. Particular attention is paid to the interplay between folkloric structures and artistic strategies of digital art, audiovisual media, and network communications. the author analyzes the mechanisms of adaptation of oral tradition to the conditions of digital production and demonstrates that internet folklore is not so much a "secondary aesthetics" as a fundamental model of new collectivity based on distributed creativity and mythopoetic thinking.

Ключевые слова: цифровой фольклор, медиареальность, постфольклор, коллективное творчество, эстетика цифровой среды, медиалогия, ремифологизация, художественная культура цифрового искусства и дизайна, проектная культура цифрового искусства и дизайна.
Keywords: digital folklore, media reality, post-folklore, collective creativity, aesthetics of digital environment, media studies, remythologization, the artistic culture of digital art and design, and the project culture of digital art and design.

Введение: от коллектива к сети

Развитие цифровых технологий превращает пространство культуры в глобальную сеть взаимодействий, где границы между автором, исполнителем и аудиторией размыты. В традиционном фольклоре коллективный субъект определяется сообществом, в цифровом же — сетевой структурой. Как отмечает С.Ю. Неклюдов, фольклор «не исчезает, а меняет каналы бытования», переходя из устной коммуникации в мультимедийную [6].

Медиаискусство XXI века основано на тех же принципах, что и устное народное творчество: вариативность, повторяемость, воспроизводимость. Если раньше коллективная песня формировала идентичность сельской общины, то теперь мемы, челленджи и цифровые ритуалы определяют сетевые идентичности. Современные художники переосмысливают эти формы, создавая произведения, где «коллективное бессознательное» сети становится художественным материалом.

Теоретико-фольклористические основания

Фольклорная традиция, исследованная П. Г. Богатырёвым и Б.Н. Путиловым [1, 7], всегда предполагала форму социокультурного обмена, где коллектив выступает хранителем и редактором текста. Ю.М. Лотман [4] в семиотическом подходе рассматривал культуру как механизм самоперевода общества, где фольклор задает первичные модели репрезентации.

Цифровой фольклор следует рассматривать как фазу в эволюции этой семиосистемы. Он структурирует знаки не линейно, а сетевообразно. Каждый мем, виртуальный стикер или ремикс функционирует как «микротекст», включенный в систему вариаций. Подобно эпическим циклам, мемы создают многослойные нарративы с повторяющимися персонажами, мотивами и архетипами, адаптированными под текущую медиасреду.

Исследователи постфольклора (Гоголев А.И., Федорова А.Р.) подчеркивают, что интернет стал новой средой существования фольклорного дискурса: народное творчество здесь перешло от словесной импровизации к визуально-меметической [3].

В этом смысле цифровой фольклор является прямым продолжением структуры традиционного искусства, но подчинен логике цифрового воспроизводства, где каждый пользователь — не пассивный зритель слушатель или читатель, а активный редактор со-творчества.

Эстетика и экология участия

Современный цифровой фольклор основывается на принципе участия, где граница между автором и аудиторией исчезает. Это явление можно описать через концепцию эстетики участия (participatory aesthetics), предполагающую, что творчество становится результатом совместного действия множества субъектов. Как отмечает Н. Буррио, современное искусство основано на смежных практиках, где произведение существует только в процессе взаимодействия участников между собой [2]. Сообщество не просто интерпретирует художественный продукт, оно активно участвует в его создании, модифицирует и распространяет контент.

Подобная модель творчества перекликается с классическими принципами фольклора, описанными П.Г. Богатырёвым [1] и Б.Н. Путиловым [7], для которых важна была не оригинальность и единоличность авторства, а вариативность исполнения. В цифровой среде этот принцип

возрождается в новых формах — мемах, флешмобах, коллаборативных видео, ремиксах, фанфиках и многом другом. Каждый участник добавляет свою вариацию текста, изображения, звучания и смысла, формируя коллективное художественное пространство [5].

Феномен участия можно рассматривать и как элемент универсальной экологии. Подобно тому, как Ю.М. Лотман описывал культуру как живую семиотическую систему, цифровое сообщество функционирует по принципу самообновления [4]. Оно перерабатывает и переиспользует культурные ресурсы — изображения, звуки, шаблоны, видеозаписи, превращая их в основу новых смыслов. Таким образом формируется экология участия, в которой устойчивость обеспечивается многообразием взаимодействий и постоянным воспроизводством и переустройством контента.

Эстетика участия демонстрирует, что цифровой фольклор становится одной из ключевых моделей децентрализованного, коллективного искусства современности. Художественный акт перестает быть индивидуальным жестом — он превращается в сетевой процесс координации смыслов. Как подчеркивает Рансьер, зритель больше не пассивный наблюдатель, а активный со-деятель, создающий смысл вместе с другими людьми [8]. В этом и заключается новая коллективная поэтика цифрового пространства.

Цифровая ремифологизация

Современное искусство вновь обращается к фольклору как источнику архетипов. Визуальные практики художников Рефика Анадола, Ольги Фёдоровой, AES+F, teamLab строятся на принципах ремифологизации: данные, алгоритмы и цифровая визуализация становятся носителем коллективных мифов и образов.

— В проектах Анадола алгоритмы машинного обучения визуализируют память сообществ, создавая подобие «трансцендентальных узоров», преобразовывая всю историю в нечто неосязаемое, как предания, переходящие сквозь века и меняющиеся до неузнаваемости.

— В видеоопусах AES+F (например, Allegoria Sacra, Inverso Mundus) фольклорные мотивы переплавлены в постиндустриальный миф о человечестве данных и цифр.

— Перформансы художников, переходящие в VR-формат (Rising, the Life), демонстрируют, как трансформируется восприятие зрителя.

Таким образом, цифровое искусство не просто заимствует фольклорную символику или стилистику, а продолжает ее коллективную суть в иной материальности — данных и потоках информации.

Коллективное воображение и перформативность сети

Цифровой фольклор формирует особый тип коллективного воображения, где каждый пользователь одновременно участник и посредник. Участие в мем-чейне, челлендже, тренде или флешмобе обеспечивает эффект «цифрового обряда», где каждый человек, совершивший определенные действия, становится участником коллективного «ритуала».

Современные фестивали и кураторские платформы — «Ночь идей», CTM Festival (Берлин), the Wrong Biennale, ISSKRA Digital Performance — демонстрируют, как культурные институты интегрируют сетевые фольклорные формы в поле профессионального искусства. Именно здесь стирается граница между самодеятельностью и институциональным творчеством. Видеоарт и перформанс успешно присваивают методы меметической коллективности, превращая их в часть эстетической стратегии и развития общей среды.

Кино и анимация: кинофольклор XXI века

Кинематографическая и анимационная культура осваивают цифровой фольклор через язык фан-ремейков, AMV-видео, мэшап-практик. Короткометражные ленты Netflix и авторские анимации студий Blender Open Movies строятся на принципах открытого кода и сообщества, где каждый элемент перерабатывается коллективом зрителей.

Миры Marvel, DC и Star Wars уже рассматриваются исследователями как «современная мифология», поддерживаемая фан-творчеством. Эта полисемиотичная система функционирует абсолютно фольклорно: фанаты выступают хранителями канона, любительские и профессиональные перерисовки, неофициальный мерч и косплей становятся его распространителями, а мемы — способом переосмысления.

Анимационные практики (например, проекты Gobelins, PIXAR Short Films и многие другие) часто интегрируют формы «народного монтажа» — коллажности, повторов и аллюзий, напоминающих фольклорное варьирование мотива.

Звук, ритуал и телесность цифрового фольклора

Музыкальные формы (каверы, ремиксы, фан-сэмплы, TikTok-звуки) демонстрируют отказ от оригинальности в пользу повторяемости и вариативности. Саунд — новая «устная традиция», где важен не текст, а ритмическое тело и атмосфера «произведения».

Подкасты выступают современной аналогией сказительства. Как устный фольклор соединял повествование и присутствие, так и цифровой подкаст возвращает медиа-опыту голос и дыхание.

VR-перформансы (Marshmallow Laser Feast, Anastasia Ershova) создают иммерсивные обряды памяти — современные цифровые версии древних мистерий и ритуалов.

Возникает феномен телесности данных: взаимодействие с аудиовизуальным действом вызывает эмпатическое участие и всеобщее погружение, подобное коллективным танцевальным и песенным практикам.

Этические и онтологические аспекты цифрового фольклора

Фольклор всегда регулировался нормами неписаного права. В цифровой среде эти нормы смещаются в сферу алгоритмов. Кто сегодня хранитель традиции — сообщество или платформа? Алгоритмическая сортировка трендов задает то, что можно назвать автоматизированным общим местом — locus communis, определяемым кодом.

Этический вопрос об авторстве ремикса становится продолжением эстетики участия. В открытых проектах (например, Creative Commons, Open Culture) коллективность возведена в принцип культурного обмена.

С точки зрения философии искусства это означает смещение акцента с объекта на процесс: произведение становится событием (Буррио [2], Рансьер [8]), а художник — координатором цифровых ритуалов.

Цифровая память и медиамиф

Фольклор всегда выполнял функцию памяти — коллективного хранилища опыта и знаний поколений. В цифровую эпоху эту роль перенимают различные платформы. Мемы о глобальных событиях человечества, политические иронии, сетевые ностальгии формируют медиамифологию — динамичную систему смыслов, в которой прошлое и настоящее кодируется эмоцией.

Алгоритмические архивы (Google Photos, Instagram Memories) функционируют как «техническая память фольклора», где повтор актуализирует прошлое.

Как и традиционный фольклор, цифровой создает устойчивые символы коллективного переживания: пандемия — «эпос выживания», фан-арт — романтический коллективный сон.

Социальное измерение цифрового фольклора

Цифровой фольклор выступает не только как эстетическая категория, но и как инструмент самоорганизации сообществ и формирования новых идентичностей внутри них. В онлайн пространстве фольклорные формы выполняют функцию социальной навигации: с помощью мемов, визуальных шаблонов, настальгий, ироничных приемы пользователи определяют принадлежность к определенным культурным и поколенческим группам.

Мемы, флешмобы и фан-практики становятся своеобразными знаками принадлежности — они не только транслируют эмоции и мысли, но и выстраивают границы «своих» и «чужих». Такое использование фольклора возвращает обществу функции ритуала: повторяемость жестов, фраз и визуальных схем формирует чувство сопричастности, восстанавливая коллективную идентичность через совместное действие.

Одновременно цифровой фольклор способствует формированию горизонтальных структур взаимодействия. Сообщества пользователей не требуют централизованного управления — их жизнь поддерживается динамикой репостов, лайков, ремиксов и трендов. Эти сетевые ритмы заменяют традиционные формы собраний, праздников или обрядов, обеспечивая социальное скрепление за счет совместного вовлечения.

Таким образом, цифровой фольклор становится социальной экосистемой, где культурное выражение и коммуникация сливаются в единый процесс. Через него общество не только вновь и вновь воспроизводит коллективный опыт, но и разрабатывает новые способы адаптации к постоянно меняющейся медиареальности.

Заключение

Цифровой фольклор — не окраина творческой среды, а центральный механизм культурного производства XXI века. Он восстанавливает ритуальные и мифологические структуры в новых медиа форматах, превращая пользователя в полноправного соавтора. Современное искусство, интегрируя эти формы, обнаруживает новые способы говорить о коллективном — не через великих художников, а через совместное действие множества абсолютно разных голосов.

Эта форма сетевой народности становится ключом к пониманию медиа эпохи, в которой «народное» и «цифровое» больше не противопоставлены, а образуют цельную культурную пластичную материю.

Таким образом, цифровой фольклор можно рассматривать как грань между искусством и коммуникацией, где рождаются новые типы эстетической чувственности и формы коллективного воображения.

Список литературы:

1. *Богатырёв П.Г.* Вопросы теории народного искусства. — Москва: Искусство, 1971. — 536 с. — URL: http://istoriya-teatra.ru/books/item/f00/s00/z0000021/index.shtml (дата обращения: 05.02.2026).

2. *Буррио Н.* Реляционная эстетика / Relational Aesthetics / Пер. с фр. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2019. — 224 с.

3. *Гоголев А.И., Федорова А.Р.* Современная якутская страшная история как жанр городского постфольклора — Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 18. — № 2. — С. 61–89. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-yakutskaya-strashnaya-istoriya-kak-zhanr-gorodskogo-postfolklora (дата обращения: 05.02.2026).

4. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. — Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.

5. *Манович Л.* Язык новых медиа. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. — 320 с.

6. *Неклюдов С.Ю.* Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. — URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov7.htm (дата обращения: 05.02.2026).

7. *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. — Ленинград: Наука,

8. *Рансьер Ж.* Эмансипированный зритель / Пер. с фр. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. — 208 с.